

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.49.75.024

О некоторых проблемах исполнения запретов в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий

Иовлева Анна Сергеевна

Следователь по ОВД 1 отдела СЧ по РОПД
ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области,
191119, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Лиговский пр., 145;
адъюнкт,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пиллютова, 1;
e-mail: iovlevaannas@mail.ru

Аннотация

В настоящее время российский законодатель движется по пути повышения эффективности института мер пресечения. Нововведение в УПК РФ в виде запрета определенных действий, восполнившего систему мер пресечения, не могли остаться без внимания процессуальной доктрины, не породить дискуссии как по теоретическим, так и по практическим проблемам исполнения данной меры пресечения, анализу которых и посвящена настоящая статья. В статье приведены мнения ученых в части исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий по выявленным проблемам в ходе отправления правосудия. В статье определены ключевые вопросы, мешающие широкому применению данной нормы и пути их решения. Приведены примеры исполнения отдельных запретов и их эффективность в ходе досудебного производства. Автор приходит к выводу, что имеется необходимость в изменении существующей регламентации ч.7 ст.105.1 УПК РФ и указания конкретных условий исполнения меры пресечения с учетом возлагаемого запрета. С соответствующей регламентацией запреты, предусмотренные пп. 2-6 ч.6 ст.105.1 УПК РФ, станут не размытой дискреционной нормой права, а приобретут обусловленные границы исполнения и единообразный порядок осуществления контроля.

Для цитирования в научных исследованиях

Иовлева А.С. О некоторых проблемах исполнения запретов в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 10А. С. 203-208. DOI: 10.34670/AR.2021.49.75.024

Ключевые слова

Уголовный процесс, меры пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, залог, уголовно- исполнительная инспекция.

Введение

Установленный курс на гуманизацию института мер пресечения в целом закреплен Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 № 72-ФЗ, вводя в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) меру пресечения не связанную с лишением свободы и подразумевающей под собой новые способы исполнения контроля, возложенных на федеральный орган исполнительной власти, который вправе применять контролирующую функцию в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, к которым применена мера пресечения не связанная с лишением свободы, в установленном месте исполнения данной меры. Сущность запрета определенных действий включает в себя непосредственное исполнение наложенных судом запретов на подозреваемого или обвиняемого, предусмотренных ч.6 ст.105.1 УПК РФ, с сохранением прав на свободное передвижение лица и одновременное исполнение одного или нескольких запретов, предусмотренных действующим законодательством, избираемых по постановлению суда с учетом личности, обстоятельств совершенного преступления и иных характеризующих социальных данных субъекта противоправного деяния. Однако запрет, предусмотренный п.1 ч.6 ст.105.1 УПК РФ связанный с ограничением лица на выход из жилого помещения в определенный период времени комплементарен и схож по осуществлению механизма исполнения контроля с более строгой мерой пресечения «домашний арест», предусмотренный ст.107 УПК РФ. В связи с неясностью длительности ограничений в рамках рассматриваемых мер, а также отсутствия закрепленных норм права, разграничивающих понятия «домашний арест» и «запрет определенных действий», новая мера пресечения приобретает декларативный характер. Однако, войдя в судебную практическую деятельность, новый вид ограничений, ранее не присутствовавший в отечественном уголовном судопроизводстве, поставил перед правоприменителями ряд актуальных вопросов, которые являются важной научной задачей.

Основная часть

Существует необходимость рассматривать меру пресечения в виде запрета определенных действий в качестве системы, где ее часть составляет непосредственное исполнение, а равно фактическая реализация физических и (или) психологических действий в отношении преследуемого лица уполномоченным на определенный контроль органом. Лишь при тщательном анализе указанного элемента правоприменительной деятельности возможно достижение целей, поставленных перед новой мерой пресечения. Такие категории как цель применения меры пресечения и основания, послужившие избранию определенных запретов характеризует не только сущность, но сложившуюся практику исполнения и возможности реализации установленных запретов, кроме того, исследование данного вопроса может повлиять на обоснование предложенного законодательного усовершенствования в рамках общей отечественной системы мер пресечений. Таким образом, важно обратить внимание на уже сложившуюся практику исполнения наложенных судом запретов и рассмотреть вопрос о дальнейшей эффективности ч.6 ст.105.1 УПК РФ в той формулировке, в которой в настоящее время и применяется норма права.

В первую очередь видится необходимость раскрытия понятий в рамках правоприменительной деятельности для внесения правовой ясности.

Согласно ч.11 ст.105 УПК РФ «контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, предусмотренных пунктами 1-5 части шестой статьи 105.1, осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством Российской Федерации. Порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Важным критерием для правовой характеристики исполнения меры пресечения является разделение таких понятий в определении как «контроль» и «исполнение», так как данный факт является существенным при непосредственном применении властных полномочий органа федеральной службы исполнения наказаний, а также признает самостоятельную сущность мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога. Не должно быть сомнений с толкованием ограничивающих правовое положение граждан норм права. Подозреваемый (обвиняемый) обязан «соблюдать» наложенные запреты, однако «размытый» механизм исполнения мер пресечения влечет отсутствие ощущения постоянного напряжения и приводит к допущению нарушений, которые ввиду отсутствия полномочий невозможно зафиксировать. Отсутствие полномочий влечет за собой снижение авторитета правоохранительных органов, что негативно влияет на показатели преступности [Гаврилов, 2021].

Единственной обозначенной мерой по предотвращению дальнейшей преступной деятельности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, является «подписка», выраженная в форме предупреждение лица, о нарушении существующей меры и наступлении уголовно-правовых последствий, выраженных в изменении меры на более строгую. Такое действие подразумевает под собой «исполнение» меры пресечения и может предупредить нежелательные действия лица. Однако, в данном контексте правовой нормы является несостоятельным для уголовно-процессуального принуждения, что влечет за собой неэффективность в достижении целей по контролю за установленными запретами и (или) ограничениями. Для реализации властных полномочий контролирующего органа возникла необходимость введения в п.16.1 ст.5 УПК РФ понятия «контролирующий орган» и «контроль», тем самым разграничив понятия «исполнение» и «контроль», что влечет за собой пересмотр полномочий органа исполнительной власти. На основании изложенного, справедливо отметить актуализированную введением новой нормы необходимость закрепления процессуального статуса сотрудника федеральной службы исполнения наказаний, который является непосредственным участником уголовного процесса, однако, не может в полной мере реализовывать властные полномочия в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, невозможность взаимодействия с судебным органом по вопросам изменения действующей меры пресечения, а также невозможность получения разрешения контроля записи телефонных переговоров, влияет на качество исполнения меры пресечения, а также требует

дополнительного закрепления в уголовно-процессуальном законе.

Так, по мнению Чернышовой Д.В., «анализ практики исполнения мер пресечения по-прежнему свидетельствует о том, что при современном развитии мобильной телефонной связи и интернета наибольшее количество проблем у УИИ возникает при осуществлении контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и (или) ограничений на общение с определенными лицами, отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно телекоммуникационной сети Интернет» [Чернышова, 2013]. Возможно ли запрет, предусмотренный п.1 ч.6 ст.105.1 УПК РФ признать эффективным в рамках рассматриваемой меры пресечения. Есть основания полагать, что данный контроль является излишним и невозможным в применении согласно действующему приказу. Так, в рамках применяемого запрета выхода за пределы жилого помещения сотрудники инспекции не имеют возможности проверки обвиняемого или подозреваемого в ночное время суток. Кроме того, в условиях «мягкой» изоляции подконтрольное лицо имеет достаточно времени для уничтожения следов преступления, оказания воздействия на свидетелей и скрыться, в том числе за пределы РФ. Таким образом, основания, предусмотренные ч.1 ст.97 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий не могут быть выступать аргументом такого рода «мягкой изоляции». Запрет на выход из жилого помещения весьма эффективен и обоснован в строгой мере пресечения в виде «домашнего ареста», подконтролен и апробирован в рамках налагающихся запретов в конкретном месте исполнения (по месту жительства обвиняемого или подозреваемого). Судами также применяются запреты, предусмотренные п.п.2-6 ч.6 ст.105.1 УПК РФ самостоятельно, что говорит о том, что мера пресечения в виде запрета определенных действий действительно достаточна и не предусматривает под собой лишение свободы лица. Однако наложенный судом запрет на общение с определенными лицами ставит под собой вопрос об осуществлении контроля, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций не осведомлены о месте жительства потерпевших, а также о процессуальном статусе лиц, с которым обвиняемый по уголовному делу потенциально может вступать в общение. Именно в самостоятельном осуществлении одного из запретов, предусмотренных ч.6 ст.105.1 УПК РФ правоприменители отмечают больше всего неясных моментов и отсутствие единого механизма.

Заключение

Таким образом, имеется необходимость в изменении существующей регламентации ч.7 ст.105.1 УПК РФ и указания конкретных условий исполнения меры пресечения с учетом возлагаемого запрета, а именно «установочные данные (фамилия, имя, отчество) лиц, с которыми связаны запреты, процессуальный статус лиц, с которыми запрещено общаться с направлением уведомлений и (или) копий постановлений суда о наложенном запрете». С соответствующей регламентацией, запреты, предусмотренные пп. 2-6 ч.6 ст.105.1 УПК РФ станут не размытой дискреционной нормой права, а приобретут обусловленные границы исполнения и единообразный порядок осуществления контроля.

Библиография

1. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21-24.
2. Гаврилов Д.И. Исполнение и осуществление контроля мер пресечения, не связанных с заключением под стражу

- // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 144-155.
3. Загвоздкин Н.Н., Кузора С.А. Запрет определенных действий: анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 84-86.
 4. Исаков В.С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Аллея науки. 2018. № 5 (21). С. 130-137.
 5. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.
 6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
 7. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста».
 8. Чернышова Д.В. Контроль Уголовно-исполнительных инспекций за подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста: проблемы и пути их решения // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 41-43.
 9. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
 10. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.

About some problems of enforcement of banks within the framework of the measures of extension in the form of a prohibition of certain actions

Anna S. Iovleva

Investigator for the Department of Internal Affairs
of the 1st Department of the Investigative Department of the ROPD
of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Saint Petersburg
and the Leningrad region;
191119, 145 Ligovsky Ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
Adjunct,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: iovlevaannas@mail.ru

Abstract

Currently, the Russian legislator is moving towards increasing the effectiveness of the institution of preventive measures. The innovation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the form of a ban on certain actions, which replenished the system of preventive measures, could not remain without attention of the procedural doctrine, could not generate discussions on both theoretical and practical problems of the execution of this preventive measure, the analysis of which is devoted to this article. The article presents the opinions of scientists regarding the execution of a preventive measure in the form of a ban on certain actions on identified problems during the administration of justice. The article identifies the key issues that hinder the wide application of this norm and the ways to solve them. Examples of the execution of individual prohibitions and their effectiveness during pre-trial proceedings are given. The author concludes that there is a need to change the existing regulation of Part 7 of Article 105.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and specify the specific conditions for the execution of a preventive measure, considering the imposed prohibition, namely. With the appropriate regulation, the prohibitions

provided for in paragraphs 2-6, part 6 of article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, will not become a vague discretionary rule of law, but will acquire conditional boundaries of execution and a uniform procedure for exercising control.

For citation

Iovleva A.S. (2021) O nekotorykh problemakh ispolneniya zapretov v ramkakh mery presecheniya v vide zapreta opredelennykh deistvii [About some problems of enforcement of banks within the framework of the measures of extension in the form of a prohibition of certain actions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (10A), pp. 203-208. DOI: 10.34670/AR.2021.49.75.024

Keywords

Criminal procedure, preventive measures, prohibition of certain actions, house arrest, bail, criminal enforcement inspection.

References

1. Chernyshova D.V. (2013) Kontrol' Ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii za podozrevaemymi ili obvinyaemymi, v otnoshenii kotorykh sudom izbrana mera presecheniya v vide domashnego aresta: problemy i puti ikh resheniya [Control of the Criminal Executive Inspectorates over suspects or accused in relation to whom the court has chosen a preventive measure in the form of house arrest: problems and solutions]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Criminal Executive Law], 1, pp. 41-43.
2. *Federal'nyi zakon ot 18.04.2018 № 72-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zapreta opredelennykh deistvii, zaloga i domashnego aresta»* [Federal Law of 18.04.2018 No. 72-FZ: On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the election and application of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, bail and house arrest].
3. Gavrilov D.I. (2021) Ispolnenie i osushchestvlenie kontrolya mer presecheniya, ne svyazannykh s zaklyucheniem pod strazhu [Execution and control of preventive measures not related to detention]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 1 (46), pp. 144-155.
4. Isakov V.S. (2018) O novoi mere presecheniya v vide zapreta opredelennykh deistvii [On a new measure of suppression in the form of a ban on certain actions]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 5 (21), pp. 130-137.
5. Kalinovskii K.B. (2018) Zapret opredelennykh deistvii kak mera presecheniya [Prohibition of certain actions as a preventive measure]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure], 6, p. 9.
6. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ].
7. Voronov D.A. (2016) Zapret opredelennykh deistvii v ramkakh zaloga, domashnego aresta i novoi mery presecheniya [Prohibition of certain actions within the framework of bail, house arrest and a new measure of restraint]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian judge], 3, pp. 21-24.
8. Zagvozdkin N.N., Kuzora S.A. (2018) Zapret opredelennykh deistvii: analiz pravoprimeritel'noi praktiki [Prohibition of certain actions: analysis of law enforcement practice]. *Zakon i pravo* [Rights and law], 12, pp. 84-86.
9. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
10. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.